

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ПЕРВАЯ

«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПЕТЕРБУРГ—1922 Г.

БИБЛИОГРАФИЯ

Б. Я. Владимирцов. Монгольский сборник рассказов из Pancatantra. Петроград 1921. Стр. II + 162 + 2 in 8° (Отд. отт. из V тома Сборника Музея Антропологии и Этнографии).

После Библии не найдется верно книги, получившей столь широкое распространение у самых разных народов земного шара, чем тот сборник рассказов, часть которого носит в Индии название Панчатантра. В новейшее время сборник этот получил для нас еще то особое значение, что на нем и связанных с ним памятниках литературы разных народов и на их сравнении была подробно обоснована теория литературных заимствований и установлена глубокая связь между литературами Востока и Запада.

Одним из важных звеньев в этой цепи взаимных влияний и заимствований является литература монголов, воспринявших много элементов культуры индийской и культур разных народов передней и средней Азии. До сих пор литература эта была мало изучена, и вопрос о роли монголов, как передаточного звена между Востоком и Западом, решался на основании совершенно недостаточных и непроверенных критически данных.

В работе Б. Я. Владимирцова сделана первая серьезная, вполне самостоятельная попытка, на основании широкого знакомства с монгольскими подлинниками, развернуть перед нами несколько страниц истории монгольской повествовательной литературы и указать на ее глубокую связь с Индией и Тибетом и вместе с тем дать некоторые хронологические рамки, благодаря которым мы могли бы приурочить определенные памятники к определенным периодам, если еще нельзя установить точных дат. Эти хронологические определения особенно важны, так как дело с ними обстоит особенно неблагоприятно в области повествовательной литературы Востока, где передача устная всегда играла большую роль.

Ценнейшими выводами исследования Б. Я. Владимирцова мы считаем, во-первых, установление факта большого вероятия существования тибетского сборника Панчатантры, примерно того же типа, как и некоторые индийские сборники, откинувшие рамку основного рассказа, которая придавала книге слишком светский характер,

книги наставления царям. Несомненно теперь доказанный трудами Потанина и Владимирцова факт существования тибетского сборника рассказов «Волшебного трупа», в полном его составе 25 рассказов, позволяет надеяться на то, что и указанная Владимирцовым тибетская версия Панчатантры найдется. Вместе с тем открытие Владимирцова позволяет определенно сказать, что эта тибетская редакция породила и монгольские рассказы и м. б. и монгольскую редакцию, которую еще надо найти, ибо монгольский перевод, сделанный в XIII веке с одной из мусульманских редакций Калилы и Димны и о котором до нас дошли сведения из мусульманских источников, не имеет отношения к буддийской редакции Панчатантры, попавшей к монголам через Тибет: монгольская книга XIII века носила, несомненно, характер книги наставлений царям, и мало вероятно, чтобы рассказы из нее могли составить монгольский буддийский сборник, минуя Тибет. Это не значит, конечно, что отдельные рассказы этой редакции не могли сохраниться у монголов и распространиться в народе.

Вторым и чрезвычайно ценным выводом разбираемой работы мы считаем указание на способы передачи рассказов в монгольской народной среде и той большой роли, которую в этом отношении играют монгольские полуграматеи. На этих страницах исследования Владимирцова не раз еще остановятся те, кто хочет разъяснить себе сложный и пока нам еще далеко не вполне понятный вопрос об устной передаче и о роли сказочника и рассказчика в этой передаче. Чрезвычайно ценна и его определенная постановка вопроса о периодах развития монгольской литературы и языка: первый период до начала XIV века, почти неисследованный; второй — от XIV до начала XVII, при чем часто бывает трудно вполне точно разделить первые два периода; третий — от начала XVII в., времени буддийского возрождения в Монголии. Группировка рукописей и литературных памятников по этим периодам дает крупнейшие результаты для истории монгольской литературы.

Кроме этих главных выводов, книга Б. Я. Владимирцова дает попутно массу интересных сведений о монгольской повествовательной литературе, богатейшее

собрание которой находится в библиотеках Азиатского Музея Академии Наук и Петроградского Университета, и надо надеяться, что автор исследования о монгольских рассказах Панчатантры даст нам сведения об этих столь любопытных и малоизвестных памятниках. Прекрасная работа Б. Я. Владимирова будет, я уверен, особенно горячо встречена не только у нас, но и на Западе, где за последние годы, благодаря главным образом трудам финских ученых, опять ожило сравнительное исследование пародной повествовательной литературы.

Сергей Ольденбург

Эдвард Фитцджеральд, Омар Хайям «Рубай» перевел *О. Румер*. Москва, 1922. Книгоиздательство «Берег». Стр. 39, in 8°.

Далеко от нас еще, повидимому, то время, когда мы узнаем, что действительно думал и писал великий персидский поэт и математик XI столетия Омар Хайям. Ему приписывается до 5000 четверостиший и, может быть, только полтораста—двести из них написаны им, и какие именно, мы пока не знаем, ибо дошедшие до нас под его именем четверостишия настолько противоречивы, что не могут, несомненно, принадлежать одному человеку, как разнообразно настроен ни был бы этот человек. О жизни Омара Хайяма мы также пока почти ничего достоверного не знаем, до нас дошли почти только одни сомнительные анекдоты и предания.

Казалось бы, при этих условиях праздно говорить о писателе Омаре Хайяме, пока специалисты не дадут каких-нибудь достоверных фактов, не раскроют облика поэта и человека. И всетаки, нет персидского писателя более популярного в Европе, чем Омар Хайям, нет персидских стихов, о которых столько бы говорили, как о его «четверостишиях». Противоречие это легко объясняется: в Европе, в действительности, известен не персидский поэт XI века, и не его загадочными четверостишиями зачитывается европейский читатель; известно талантливое английское подражание-переложение «Рубайят Омара Хайяма» Эдварда Фитцджеральда. Им создан образ большого персидского поэта философа-скептика, и эти английские четверостишия наши горячий отклик в сердцах и умах европейцев, едины Восток и Запад. И потому даже когда современем более точная и глубокая критика дошедших до нас произведений персидских поэтов, чем та, которая доступна нам теперь, откроет настоящего Омара Хайяма, «Рубайяты» Фитцджеральда все же сохраняют свое значение, и верна была мысль молодого русского поэта попытаться передать их русскими стихами.

Внимательно прочитав перевод «Рубайят» и сравнив его с оригиналом, мы поделимся с читателем своими впечатлениями.

Множественное число «Рубайят» настолько укрепилось за произведением Фитцджеральда, что вряд ли справедливо было ставить в заглавии «Рубай». Вступительная заметка к стихам вряд ли отвечает своему назначению: после сказанного выше о крайней неопределенности понятия Омара Хайяма и его четверостиший и о самостоятельном значении стихотворений Фитцджеральда, совершенно напрасно было из вторых и третьих рук сообщать сомнительные или неверные сведения о персидском поэте, об исламе, о суфизме. Если автор хотел всетаки непременно говорить об этих предметах, ему следовало показать свое предисловие востоковеду, который бы избавил его от сомнительных утверждений. Возьму наудачу второй абзац на 7 странице. Вопреки утверждениям переводчика, слава Омара Хайяма, как математика, вовсе не мала, во вторых, мы совершенно не знаем, какое значение он придавал своим четверостишиям, в третьих, «Дивана» Омара Хайяма нет; далее автор не понял работы проф. Жуковского, который доказал не «вкрапление странствующих четверостиший», а наличие таковых, которая пока не позволяет нам критически установить текст Хайяма; затем, вряд ли кто решится назвать суфизм «сектою» ислама и т. д.

Переходя к самому тексту, мы наталкиваемся сразу на существенное недоразумение, в котором повинен сам переводчик, оставляющий нас в недоумении, с какого текста он переводит? Правда, он говорит, что переводил с последнего издания, т. е. с четвертого—1879 года (кстати, первое издание 1859, а не 1858 года), но сам же прибавляет непонятное: «считаюсь при этом с вариантами предыдущих изданий». Но ведь все четыре основных издания вышли при жизни автора, который вносил в них постепенно изменения, перерабатывая тщательно свой текст. Очевидно, надежало, как переводчик, видимо, и предполагал сначала сделать, держаться четвертого издания, а если уже пользоваться другими изданиями, то каждый раз оговаривая и объясняя отступления от принятого основного текста. А иначе получается, как в данном случае, эклектический текст, ничем не мотивированный; к тому же, при не особенно большой точности перевода, часто совершенно даже нельзя установить, какой же именно текст принят для данного четверостишия.

Первое же четверостишие переведено автором не с четвертого, а с первого издания. Нам совершенно непонятно, почему переводчик взял несомненно менее удачный текст первого издания, который сам Фитцджеральд изменил со второго же издания. Четверостишие это интересно, как показатель большой работы автора над «Четверостишиями». Она, несомненно, оказала бы

пользу переводчику, если бы он мог пользоваться сводным изданием, или свободно сверять все четыре, чего, повидимому, он сделать не имел возможности.

В первом четверостишии Фитджеральду хотелось сперва дать выражение любимому образу остановки каравана и он говорит в первом издании: «Проснись! Ведь Утро в Чашу Ночи бросило Камень, который ображдает звезды в бегство. Взгляни! Востока Ловчий захватил в Силок из Света Султана башню». Написав это, Фитджеральд почувствовал, что, увлекшись картиною утра, он забыл, зачем она была ему нужна, что мысль о скоропреходящей жизни слишком слабо отразилась здесь, заслонена картиною побеждающего ночь солнца, а кроме того, он не мог не почувствовать неудачной картины ловли башни силоком света. И мы видим, что уже во втором издании начинается изъятие неудачных картин и замена их изображением борьбы утра и ночи, со строго выдержанными мотивами этой борьбы. Вместе с тем получается, не тратя на это ни одного почти слова, просто от одного контраста, то впечатление бренности, краткости жизни, которым так увлечен автор: он пробуждает человека из небытия к бытию, идет борьба утра с ночью за возможность существования, и что же? Вся эта борьба ради одного дня, после которого опять наступит ночь.

Русский перевод ничего этого не отразил, взяв за оригинал неудачный первоначальный текст. Но и самый перевод не вполне удачен: «метнуд», хотя казалось бы буквально и отвечает «fling», дает у нас иное представление, сюда мало подходящее, о бросании издалика. «Восходит Ловчий» вряд ли хорошо, так же как неверно «дворцовый минарет». По-русски «полонил минарет» выходит тоже не лучше английского.

Со вторым четверостишием мы опять имеем пользование, повидимому, первым изданием и опять без объяснения. А между тем, объяснение можно было бы дать, ибо первое издание лучше связывает второе четверостишие с третьим. Перевод этого четверостишия совершенно не точный, ибо он дает не ту картину, что оригинал. В первом издании все происходит внутри харчевни, и никого в нее не зовут, что делает второе и следующие издания и что, отступая от текста, делает и перевод: «Когда во сне я вял прывивный глас: «В кабак друзья»... В переводе пятого четверостишия, как и несколько раз дальше, переводчик не справляется с ударениями собственных имен и позволяет себе недопустимые переносы ударений: Джэмшид, Бахрам.

В десятом четверостишии не определить с какого текста сделан перевод, он не отвечает ни одному из четырех изданий.

Мы не можем, конечно, подробно разобрать перевод каждого четверостишия, между тем почти каждое из них вызывает возражения. Нам кажется, что молодой переводчик недостаточно еще овладел тем родом поэзии, который так своеобразно представлен стихами Фитджеральда—отражением Востока на Западе; для этого надо знать не только Запад, но и Восток, а этого пока и недостает переводчику.

Сергей Ольденбург

Владислав Ходасевич. Из еврейских поэтов. Издательство З. И. Гржебина. Петербург. Берлин. 1922. Стр. 75.

Знание восточных языков, в том числе и древне-еврейского, настолько мало распространено среди нас, что до сих пор образцы восточной поэзии у нас являются редко, да и то в несовершенном виде: переводчик очень часто перекладывает в художественные формы чужой подстрочный перевод. Такова и лежащая перед нами книжка.

Ходасевич оговаривает в предисловии, что языка, с которого он переводил, он не знает, и пользовался, с одной стороны, подстрочными переводами, дававшими ему точное представление о смысловом содержании произведения, с другой — латинской транскрипцией текста, вводившей его в звуковое строение подлинника. И все же поллиного впечатления от оригинала переводчик не получает, так как сумма в данном случае больше отдельных слагаемых.

Однако, надо отдать справедливость переводчику: он со своей задачей справился блестяще. Совершенные с точки зрения русского читателя, его стихи являются и почти идеальное приближение к еврейскому подлиннику, и если рассматривать каждое стихотворение отдельно, то, так сказать, органический дефект переводов оказывается очень удачно замаскированным.

Другое дело, если посмотреть на книгу в целом. Тут сразу бросается в глаза случайность ее состава, случайность как в выборе авторов, так и, главным образом, в выборе их произведений. Художественное чутье переводчика оказалось ему полезным только в одном направлении: он мог исключать из сферы своей работы то, что казалось ему наименее интересным для перевода, но он был бессилен включить в свою книгу то, над чем бы остановился, быть может, если бы перед ним была открыта еврейская поэзия в целом.

В сущности, в книге представлен в более или менее достаточном освещении только один Черниковский. Мы имеем и иронические гекзаметры его бытовых идиллий, едва ли не лучшее достижение его, и несколько образцов его лирики, отчетливо характеризующих другие стороны его дарования.

Нечего говорить о том, что одно стихотворение Бялика, в котором, кстати сказать, пропущена дека строфа, не дает представления о поэте, хотя и известном уже русскому читателю, но известном в переводах много худших, чем мог бы дать Ходасевич.

Также обижен переводчиком и другой столп современной еврейской поэзии — Шнеур. Отрывки из его поэмы «Под звуки мадонны», единственное, что есть в сборнике; как всегда, отрывки, не дают представления о композиционном задании автора. К тому же эта поэма не является ни лучшей, ни характернейшей для автора. Совершенно незаслуженно обойдена его лирика.

Д. Фришман, Я. Фихман и Д. Шимонович представлены каждый двумя стихотворениями, не вызывающими возражений, но все же выбранными очень случайно.

Так же случаен перевод одного стихотворения молодого и уже умершего поэта Авраама бен-Ицхак.

Из отсутствующих в сборнике поэтов нельзя не указать на Я. Когана, И. Каценельсона, Я. Штейнберга, уже давно завоевавших видное место в современной еврейской поэзии и заслуживающих не меньшего внимания, чем некоторые из приведенных в сборнике.

Таким образом, Ходасевич, превосходно справившийся со взятой на себя задачей, к сожалению, должен был ее сужить. Сделав все возможное в пределах, не им самим обозначенных, он не мог расширить их до необходимой и желательной степени. Книга его, выношенная с исключительным мастерством, знакомит русского читателя с некоторыми образцами уже отчасти известной ему поэзии, но ввести его в круг достижений современной еврейской поэзии, тем более быть путеводителем по ней она не может.

Обвинять переводчика в этом, конечно, не приходится, но пожалеть об этом можно.

Д. Выгодский

Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества.

После большого перерыва вышел летом 1921 года XXV том «Записок Восточного Отделения Русского Археологического Общества», единственного органа русского научного востоковедения. Самые условия печатания крайне характерны для научных предприятий нашего времени. Том начал печатанием еще в 1917 году, с июня 1918 года по апрель 1920 г. набор был прерван; издание, таким образом, обнимает период в пять лет. Состав статей разнообразен и захватывает как древний восток, так средневековые и новое время. К первому относятся две статьи В. К. Шлейко (Фрагмент из Богазкёя в собрании Лихачева,

Ассириологические заметки), Н. Я. Марра (Надпись Русы II из Маку, Астрономические и этнические значения двух племенных названий), К вопросу о происхождении племенных названий этруски и пелазги), И. Мещанинова (по новоду Макишской надписи Русы, сына Аргиштиа). Область фольклора захватывают работы В. Бартольда (К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов), В. Гордлевского (Замечания на «пословицы крымских татар», изданные П. А. Фалевым), А. Ромаскевича (Персидские народные четверостишия), Н. Веселовского (Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение). Археологии посвящены статьи В. Бартольда (Новые данные о самаркандских памятниках) и П. Орбели (О первоначальной форме купола Ахтамарского храма). Кроме нескольких рецензий на иностранные издания (отчасти и вышедшие во время войны), том заключает и печальный мартиролог — некрологи трех ориенталистов, скончавшихся в 1918 году: историка востока Н. И. Веселовского, исследователя Персии В. А. Жуковского и арабиста П. А. Медникова. За последний год заседания Восточного Отделения, не прекращавшиеся и в самое тяжелое время, снова приобрели регулярный характер. Будет очень грустно, если продолжающиеся типографские осложнения не позволят придать такую же регулярность появлению следующих томов «Записок Восточного Отделения».

И. Кр.

Известия Кавказского Отделения Московского Археологического Общества.

Выпуск V. Под редакцию Л. Г. Лопатинского и Л. М. Меликсет-Бекова. Стр. 64. Тифлис 1919. Выпуск VI. Под редакцию Л. М. Меликсет-Бекова и Д. П. Гордеева. Стр. 62. Тифлис 1921.

К сожалению, в центре очень мало знают о научной работе, идущей на местах. Никакой правильной информации и присылки изданий нет; редкие сведения носят в большинстве случайный характер. Между тем, знакомство с работой местных ученых сил за последние годы представляет немалый интерес.

Понятно, что каждая новинка, особенно каждое новое издание, появившееся из «дальних стран», не может не привлечь особого внимания. Лежащие перед нами выпуски V и VI «Известий Кавказского Отделения Московского Археологического Общества» лишь недавно прибыли в Москву, но зато сразу дополнили наши сведения об археологических работах на Кавказе. Протоколы Отделения за 1915—1920 г., напечатанные в обеих книжках, наглядно

свидетельствуют, что, несмотря на бурные и грозные события, в Тифлисе продолжалась археологическая работа. Целый ряд интересных докладов был прочитан по археологии, истории и этнологии. Число членов Отделения постепенно пополнялось. Открылось особое Азербейджанское Отделение Общества в Баку.

Кавказскому Отделению Московского Археологического Общества удалось осуществить то, о чем само Московское Общество только могло мечтать, а именно, издать два выпуска своих трудов. Пусть эти два выпуска представляют две довольно толстые книжки, напечатанные на достаточно плохой бумаге; все-же важен факт, что, несмотря на невозможные условия печатного дела, Отделение выпустило свой печатный орган.

В состав V выпуска, кроме отчетов и протоколов, входят две статьи: Д. П. Гордеева - Кроткого—отчет о командировках в Кахию и Горийский уезд летом 1917 года и Е. А. Лалаия—Раскопки в сел. Ниж и Варташен Кухимского уезда. В первой статье автор—специалист по истории искусства, дает краткую характеристику обследованных им храмов Кахи, останавливаясь как на росписях, так и на архитектуре. В отчете о второй командировке особое внимание обращает то, что касается знаменитой Уромской мозаики, еще детально не исследованной. Д. П. Гордеев упоминает о работе акад. Я. П. Смирнова, обещанной последним в сборник в честь Уваровой. Сколько нам известно, эта работа почившим ученым была закончена: надо искренно пожелать, чтобы Академия Наук или Русское Археологическое Общество опубликовали эту посмертную работу своего выдающегося сочлена. Е. А. Лалаия в своей статье дает отчет о раскопках в Нухинском уезде, в местности заселенной удирами. Лалаианом обнаружены здесь остатки двух культур, относящихся к железному веку. Весьма любопытны указания на пережитки фаллического культа; здесь автор от археологии переходит к этнологии. Обе статьи снабжены рисунками.

В выпуске VI помещена обширная статья Р. П. Бзайка—О древне-грузинских версиях Ветхого Завета (по поводу Codex Zogdaniæ Грузинского Университета), которая, вероятно, привлечет внимание специалистов. Нельзя не отметить, что в обоих книжках непропорционально много места отведено техническо-отчетной старине (например, денежный отчет занимает 4 стр.).

Приветствуя непрекращающуюся работу Кавказских археологов, пожелаем им всяческих благоприятных условий для напечатания выпуска VII и последующих.

И. Гороздин

Новые работы акад. В. Бартольда по мусульманской архитектуре.

Оттисками из роскошно изданного «Ежегодника Российского Института Истории Искусств т. I. Петроград, 1922» вышли две статьи В. Бартольда «Ориентировка первых мусульманских мечетей» (стр. 113—117) и «Башня Кабуса, как первый датированный памятник мусульманской персидской архитектуры» (стр. 121—125). В первой работе указывается, что мнение ученых, будто после переселения Мухаммеда из Мекки в Медину направлением при молитве некоторое время служил Иерусалим, не находит себе подтверждения ни в Коране, ни в других источниках. Исторические указания и особенно анализ сохранившихся описаний древнейших мечетей говорят о том, что они были ориентированы по примеру христианских храмов на восток. Впоследствии это направление было заменено южным в сторону мекканской святыни Каабы, каким оно остается и до наших дней. Вторая статья характеризует значение в истории мусульманской архитектуры башни, построенной в начале XI века правителем из династии Зиридов Кабусом. Она находится близ развалин города Джурджана в северной Персии около русской границы.

Статья иллюстрирована снимком с нее и с родственной ей Радканской башни начала XIII в., тоже в северной Персии.

И. Кр.

Хранение документов в государстве мусульманского востока.

В недавно выпущенных лекциях, которые были читаны в 1918 году на Архивных Курсах, имеется, между прочим, статья акад. В. В. Бартольда под указанным названием (стр. 369—387). Статья характеризует развитие архивного дела на древнем востоке, в сасанидской Персии, в эпоху халифата при омейядах и аббасидах, при персидских династиях, монголах, в среднеазиатских ханствах, в Индии, Персии и Турции до наших дней. Попутно сообщается много данных о материале для письма, о канцелярской системе и т. д. Статья представляет в Европе первый свод данных по указанной теме.

И. Кр.

Белорусская речь арабским письмом.

В книге акад. Е. Ф. Карского «Белорусы. Том III, вып. 2» (П. 1921) сообщаются сведения относительно рукописей литовских татар с толкованиями Корана, молитвами

и пр. на белорусском языке, но арабским шрифтом. Рукописи относятся к XVI—XVII веку, когда татары, поселившиеся в Литве и Белоруссии с XV века, начали уже забывать язык богослужебных книг—арабский. Рукописи, сохранившиеся, между прочим, в библиотеке Петроградского Университета, представляют большое значение для истории белорусского языка и еще ждут своего исследователя.

И. Кр.

Испано-мавританские древности Эрмитажа.

В изданном в 1921 году «Путеводителе по отделению средних веков и эпохи возрождения» А. Н. Кубе специальный отдел посвящен арабско-испанской майолике. Она представлена в Эрмитаже целым рядом ваз и блюд преимущественно XV—XVI века, главным образом, из Валенсии. Некоторые экземпляры, как например, блюда с двумя вертикальными бортами или «крылатые» вазы (с ручками в виде крыльев) достаточно редки и в Европе. Совершенно исключительное место занимает знаменитая ваза Фортунн середины XIV века—самый ранний и прекрасный, отличной сохранности, образец, так называемых, «альхамбрских» ваз, изготовлявшихся в Малаге. Помимо краткого описания вазы, в путеводителе дана фотография с нее. Внимательного изучения заслуживают надписи на вазе, о которых в описании говорится попутно и вскользь. Одной из пяти заповедей (или точнее «опор») Ислама, о которых упоминается в описании, является отнюдь не «борьба с неверными», а исповедание веры.

И. Кр.

Эрмитажная стела Харемхеба.

Под таким названием вышло отдельным оттиском исследование проф. В. В. Струве, помещенное в «Ежегоднике Российского Института Истории Искусств» (Т. I, 91—109). Богато документированное и снабженное десятью прекрасно выполненными снимками самой стелы и параллельных памятников, исследование устанавливает, что Эрмитажная стела № 1061 принадлежала сановнику Харемхебу, сделавшемуся впоследствии царем, и относится к эпохе Тель-Амарнской переписки (XIV в. до Р. Хр.). Стела находилась в гробнице вельможи; другие части гробницы сохранились в Британском Музее, в Лейдене и т. д.

И. Кр.

Новые работы В. Голубева.

Наш неутомимый соотечественник, тонкий знаток восточного искусства В. Голубев выпустил недавно в Париже интересный

альбом «Quatorze Sculptures Indiennes de la collection Mallon décrites par Victor Goloubew, Paris». В свое время Голубев, путешествуя по Индии, сделал целую серию снимков с памятников индийского искусства; семь альбомов этих снимков были им подарены Российской Академии Наук и находятся в ее Музее Антропологии и Этнографии.

Из новостей еврейской литературы.

Издательство П. Штыбеля, организованное в 1917-ом году в Москве и ставящее целью дать всех мировых классиков в переводе на древне-еврейский язык, переехало за границу и широко развилось, печатая книги одновременно в Нью-Йорке, в Варшаве и в Палестине.

Кроме одиннадцати больших литературных сборников Natkufah, три из которых появились еще в Москве, им до 1921-го года издано отдельно большое количество переводов, среди них: Анакреон в переводе Черниковского, «Илиада» Гомера в его же переводе, «Фауст» Гете в переводе Д. Фришмана, поэмы Пушкина в переводе Шимоновича, далее отдельные томы Толстого, Достоевского («Братья Карамазовы»), Лермонтова («Герой нашего времени»), Гамсуна, Ибсена, Флобера, Диккенса, Гейне, Ромэн Роллана, Метерлинка, Тургенева, Зола, Уайльда (портрет Дориана Грея), Сенкевича, Мидкевича, Шницлера, Келлермана и т. д.

Среди печатающихся и подготовляемых переводов встречаем и античных поэтов вплоть до Пиндара, и всю европейскую литературу, и отдельные произведения восточных литератур и всех русских классиков.

В работах издательства принимают участие все еврейские литературные силы. Книги издаются роскошно.

Новая еврейская поэзия.

В I сборнике изд-ва «Паревенон» (П. 1922) помещена статья Д. Выгодского о произведении новых поэтов на древне-еврейском языке. В очерке дается краткая характеристика Бялика, Черниковского и Шнеура с некоторыми общими замечаниями. Вывод автора довольно печален: несмотря на расцвет творчества, напоминающий ему эпоху испано-арабской поэзии, современная поэзия на древне-еврейском яз. не имеет настоящего читателя, а существует только для небольшого круга любителей и обречена влачить жалкое существование, если это положение не изменится.

И. Кр.

Новый английский перевод «Песни песней».

Книга является последним предсмертным трудом известного английского ассириолога проф. М. Джэстроу.

В предисловии автор выясняет свою точку зрения на возникновение «Песни» и возражает против общепринятого мнения, в силу которого творцом «Песни» принято считать Соломона, а самой «Песне» придавать аллегорическое толкование.

«Песнь Песней», по мнению проф. Джэстроу, должна быть воспринята нами такой, какая она есть, вне всяких аллегорий. Происхождение «Песни» народное. В применении к ней нельзя «говорить об одном или нескольких авторах, точно так же, как нельзя назвать авторов народных преданий и сказок».

Серьезно настроенные, но не одаренные воображением раввины Талмудического периода не могли оденить народный дух «Песни» и потому прибегли к аллегорическому ее толкованию.

Включение «Песни» в канон, т. е. Библию, служит, по словам Джэстроу, прекрасным подтверждением инстинктивного убеждения человечества в том, что любовь священна, даже в своих чувственных проявлениях.

Проф. Джэстроу относит возникновение «Песни» приблизительно ко второй половине III в. до Р. X. и считает наличием в тексте греческих и персидских слов признаком того, что некоторые из частей «Песни» написаны позже Соломона, по крайней мере, на пять или шесть столетий.

Большое место в предисловии автор уделяет изложению тех дебатов, которые велись учеными и историками литературы относительно «Песни», при чем сам он держится того мнения, что приписываемое Соломону авторство «Песни» является «чистой традицией», самый же факт такой традиции объясняет тем огромным влиянием, которое производил легендарный образ Соломона на воображение евреев. Желая примирить этот строгий образ «Мудрого Царя» с теми страстными излияниями любви, какими полна «Песнь Песней», талмудисты прибегли к приему аллегорического толкования и стали рассматривать «Песнь Песней» как прообраз отношений между Иеговой и Израилем. Такое же толкование, как известно, придает ей и христианство, заменив лишь Иегову — Христом, а Израиля — Церковью.

Несмотря на некоторые недостатки перевода, книга проф. Джэстроу вполне достойна той репутации, какую имел покойный ученый, как провидительный знаток Библии и крупный писатель.

Индийские миниатюры.

(К истории Эмвра Хамзы. Текст С. Стэнли Клерк).

Подобно королю Артуру и Карлу Великому, Хамза, воинственный родственник и современник Мухаммеда, стал героем многих легендарных преданий. По словам автора новой работы — Стэнли Клерка, — книга, в которой были собраны неизвестным автором эти предания, «лишена таланта» и напрасно сравнивается с другими, уделевшими образцами арабской и персидской литературы. Однако, эту книгу много читали в 16-м веке и позже. В ранние годы царствования Акбара, приблизительно в 1556 году, ее богато иллюстрировал художник или группа художников при царском дворе. Это был особенно интересный период Могольского искусства. Тогдашние художники еще не избавились от китайских традиций, и натуралистическая манера, которой отличались ее последователи, под влиянием под сильное влияние индийской живописи, еще отсутствовала. Утесы, вода и особенно облака все еще писались в китайском условном стиле, и краски для этого брались исключительно живых цветов и замечательного качества. Им-то мы и обязаны в значительной степени существованием в наши дни части этого великого произведения; благодаря их прочности уцелело около 800 рисунков (из общего числа 1.400). Некоторые из них найдены на решетках в Кашмире, другие погибли от руки набожных владельцев, возмущенных видом изображенного в них человеческого лица. Но то, что осталось — крайне ценно, не только для представления, которое эти рисунки дают о раннем Могольском искусстве, но и потому, что в них много подлинной красоты. Ничего нет удивительного, что эти миниатюры очаровали Уильяма Морриса, и результат изучения их ясен для всякого, кто видел его рисунки.

Два английских романа по женскому вопросу в Индии.

К многочисленным английским романам из индийской жизни, за редкими исключениями талантливым и содержательным, прибавилось недавно еще два, касающихся положения женщин в Индии: «Дочь раджи», Миссис Пенни и «Маки», М. Минна. Первый роман рисует душевную драму дочери Дарпурского раджи Чарма, которую война заставила пробыть несколько лет в Англии, войти в английскую жизнь и привыкнуть к ее свободе. Возвращение на родину ставит ее, естественно, в очень тяжелое положение, из которого ей всетаки удастся выбраться. Насколько можно судить по отзыву, роман чрезвычайно шаблонный.

Второй роман тоже производит впечатление написанного на определенную тему рассказа: героиня романа, молодая Маки, дочь богатого калькуттского купца, томится в своей клетке и даже покушается на самоубийство; замужество не удовлетворяет ее, в семье мужа ее считают сумасшедшей и возвращают в дом отца. Она убегает и подвергается разным преследованиям. Единственным светлым явлением в ее жизни делается ее встреча с молодым Хира, сыном флейтиста. Хира вскоре попадает в тюрьму по обвинению в разбое, и Маки остается одна, пребывая верною Хире. Конец романа представляет ее слепой нищей.

Подобные романы не приближат к Западу Востока и не дадут первому пониманию его своеобразной жизни.

С. О.

Книги по исламу.

Лотроп Стоддерд в книге «Новый мир Ислама» («The new world of Islam», Chapman and Hall) изучает изменения в мире Ислама, начиная с великого реформаторского движения — ваххабизма.

Адд-аль-Ваххаб появился в начале 18 столетия, когда Ислам тонул в море невежества, суеверия и порока. Происходя из Аравийской пустыни, реформатор, будучи в Медине, был подавлен тем состоянием упадка, до которого дошла религия Пророка. Он резко реагирует на это, несколько напоминая пуритан, отличаясь той же приверженностью к примитивной вере, такой же строгой моралью, такой же иконоборческой нетерпимостью. Подобно пуританству, ваххабизму удалось в сравнительно короткое время захватить светскую власть, сокрушенную затем энергичным военным ударом турок. Духовное влияние, однако, сохранилось; быть может, оно вдохновило бабизм в Персии и сенуссизм в Африке.

Возникает вопрос: не страдают ли эти разнообразные реформаторские течения Ислама — при отсутствии единства — пороком слабости? Стоддерд это отрицает. Удобопонятность мусульманского учения облегчает его распространение, а демократический принцип братства — эта основа веры — создает весьма прочную связь между мусульманскими народами.

Труд Стоддерда, охватывающий широкий фактический материал, является хорошим пособием при работе в настоящее время, когда восточный вопрос стал вопросом актуальным и, притом, не только с точки зрения политической.

М. Ф. Бальденспергер в январском номере 1922 г. «Органа сравнительного изучения литературы» (*Revue de littérature comparée*) констатирует возрождение интереса к ориентализму и стремление преувеличить,

по сравнению с западным творчеством, значение произведений азиатского духа.

Быть может, двадцатое столетие, в процессе борьбы глубоких духовных начал против угрожающего автоматизма современной науки, сумеет использовать элементы, присущие евангелию природы Индии, импрессионизму Японии и неизменной мудрости сынов Небесной Империи и Ислама. Но чтобы такой контакт послужил обогащению, а не к упадку, необходимо, чтобы Запад ничем не поступился из своего интеллектуального достояния, которое, несмотря на всю изменчивость и неустойчивость, составляет основное его призвание. «Греческое чудо», утверждаемое в противовес легкому способу логических смещений, латинская отчетливость или «французская ясность факта» — эти основные пути организации духовной жизни — до сих пор в существе своем не подверглись изменению под влиянием многочисленных испытаний, пройденных западной цивилизацией.

Упадок аббасидского халифата.

Под несколько сбивчивым заглавием «The Eclipse of the Abbasid Caliphate» в Оксфорде в начале 1922 года вышло 7-томное издание ряда хроник, рисующих период упадка аббасидского халифата в X веке. Халифы из династии аббасидов сохраняли власть только номинально, все же государство сосредоточивалось в руках «эмира эмиров» — высшего военного сановника. В издание вошли три автора: Ибн Мискавейх, соответствующий отдел которого до сих пор был доступен только в фотографическом воспроизведении, достаточно трудном для пользования, Абу-Шуджа — ранее не издававшийся, и Хиляль ас-Сабби, появляющийся теперь в исправленном издании. Помимо трех крупных историков, в серию вошел ряд извлечений из других исторических рукописей. Издание было начато Н. F. Amedroz и после его смерти в 1917 году закончено D. S. Margoliouth. Первые три тома заняты арабским текстом, 4—6-й — переводом на английский язык, 7 — представляет указатель к обоим частям. Несомненно, что новое издание возбудит интерес среди всех историков мусульманского мира.

И. Кр.

Арабская мысль и ее место в истории.

Недавно вышла в Лондоне под таким названием книга De Lacy O'Leary, которая посвящена истории греческой науки в обработке мусульманских философов и еврейских мыслителей. Автор характеризует средневековых семитов, как «средних людей» в различных отношениях. Тем не менее, усвоив эллинскую мысль, они наложили на

нее свой отпечаток или даже превратили ее в новый организм. В книге обстоятельно освещается история передачи арабско-еврейской науки средневековой Европе путем латинских переводов.

И. Кр.

Записывание древне-арабских стихотворений.

В сборнике, поднесенном кембриджскому проф. Э. Броуну по случаю его 60-летия, помещена, между прочим, статья английского арабиста Фр. Кренкова об употреблении письма для сохранения старо-арабской поэзии. В науке господствует мнение, что поэтические произведения у арабов впервые стали записываться учеными около первой половины IX века, а до того распространялись устно. Автор отодвигает эту дату раньше и предполагает, что записи, предшествующие ученой редакции, существовали уже в первой половине VIII века, а отдельные случаи можно проследить даже до эпохи Мухаммеда.

И. Кр.

Новое собрание восточных рукописей в Лейпциге.

Известным антикваром К. Хирземанном выпущен каталог (№ 500) принадлежащих фирме 53 восточных рукописей, преимущественно на сирийском и арабском, отчасти на армянском, персидском и греческом языках. Рукописи почти исключительно христианского происхождения и представляют очень важное значение для науки как по своей древности, так и по содержанию. Арабские рукописи восходят частью к IX веку, сирийские к VII; большинство дает еще неизданный материал. Каталог

сопровождается краткой объяснительной запиской известного знатока христианского Востока профессора в Бонне А. Баумштарка.

И. Кр.

В Америке выходит новый журнал, посвященный вопросам еврейской культуры: «Journal of Jewish Lore and Philosophy».

В Гамбурге вышла книга профессора Гамбургского университета К. Ратгеса «Евреи в Абиссинии», составленная по наблюдениям и материалам, собранным автором на месте.

В Нью-Йорке в издательстве «Кадима» вышло на древне-еврейском языке исследование д-ра Б. Асинзона «Пророки».

В конце прошлого года в Персии начала выходить еврейская (еженедельная) газета «Геуда»; печатается газета на персидском языке еврейскими буквами.

В американском журнале «Minot» появилась новая большая поэма Э. Шнеура «Из песен судьбы. Трилогия».

В Петербурге начал выходить ежемесячный журнал «Еврейский Вестник» под ред. И. Клеймана и Б. Кауфмана. Вышедшие три номера посвящены вопросам литературы и науки.

Д. Выгодский.

